И. СТРЖИГОВСКИЙ ОБ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Академик НАН РА В. М. АРУТЮНЯН

Научное исследование армянской культуры, в том числе архитектуры, началось в XIX в. Русские и иностранные путешественники и ученые Ш. Тексье, Ф. Дюбуа де Монперье, М. Броссе, Д. Гримм, Н. Кондаков, Х. Ф. Б. Линч, побывавшие в Армении, О. Шуази (заочно) и другие в меру своих познаний и возможностей представляли Армению научному миру Запада. И хотя некоторые их сведения об Армении и ее культуре грешат неточностями и недостаточно высоким научным уровнем, их по праву можно назвать первооткрывателями Армении, заложившими основы ее научного изучения.

В армянской среде такую же роль сыграли труды С. Джалаляна, Ов. Шахатунянца, Г. Алишана, Г. Инджиджяна, М. Бархударяна, М. Смбатяна, С. Эприкяна и др. Усилия ученых становятся более результативными в первые десятилетия XX века, когда под руководством Н. Марра были проведены раскопки в столице средневековой Армении Ани, Х. Дадиян раскапывает храмы Звартноц и Григория в Двине. В этот период были опубликованы труды и статьи Н. Марра, И. Орбели, Т. Тораманяна, Я. Смирнова, Н. Бунятова, К. Романова, В. Сысоева, Г. Овсепяна, Г. Левопяна, Е. Лалаяна, Месропа Тер-Мовсесяна (Магистроса), Атрпета и др. Особое место среди них занимают труды архитектора Т. Тораманяна, основоположника профессионального исследования богатого архитектурного наследия армянского народа, смело выдвинувшего вопрос о самостоятельном пути и внутренних закономерностях его развития, о месте и значении армянской архитектуры в сокровищнице мирового зодчества. Опубликованные им труды вызвали интерес отечественных и зарубежных ученых, возымели определенное влияние на некоторых европейских искусствоведов, пересмотревших укоренившиеся взгляды на армянскую архитектуру.

Двухтомный капитальный труд венского ученого, известного в Европе искусствоведа Иожефа Стржиговского «Архитектура армян и Европа» (Die Baukunst der Armenier und Europa, I—II, 1918) был первым и наиболее весомым исследованием, по-новому оценившим суть и значение архитектурного наследия армянского народа*.

И. Стржиговский родился 7 марта 1862 г. в австрийской Силезии в Биале,[1] там, где проходила языковая граница между польским и немецким (последний был его родным языком). После окончания реального училища в Иене он два года проработал мастером-ткачем на ткац-

---

* Почти полвека тому назад труд И. Стржиговского, ставший для отечественных ученых библиографической редкостью, был переведен на русский язык Павлом Амбургером, но до сих пор не издан. Перевод находится в Управлении по охране памятников Армении.

[1] Сведения приводятся по труду Эрнеста Дица Josef Strzygowski — Biografisches. 7 Marz 1862 bis 7 Januar 1941.— Archiv fur Philosophie. B. 1. 1947, Istambul. Согласно немецкой энциклопедии Brockhaus И. Стржиговский умер 2 января 1941 г.

кой фабрике, принадлежавшей его отцу. Затем, с 1882 г. получал образование в Мюнхене, а в 1885 г. был удостоен звания доктора философии. Следующие четыре года Стржиговский провел в Риме, но одновременно с 1887 г. числился слушателем Венского университета. Последующие годы он работал в Афинах у археолога Кафнадиса. Он опубликовал в «Афинских сообщениях» работы «Акрополь в древневизантийское время» и «Следы древнеримского искусства в Греции». Переехав в Стамбул, он занимается исследованием мозаики церкви Коимезис, которая была разрушена в 1922 г. во время греко-турецких междоусобиц. Побывав также в Никее, он совершает свою первую поездку в Армению, где в Эчмиадзине занимается изучением миниатюр рукописного евангелия. В 1892 г. в Вене он издает свой труд под названием «Эчмиадзинское евангелие»[2] (Das Etschmiadzin Evangeliar). Благодаря ранее опубликованным трудам по византийскому искусству Стржиговский снискал известность византиниста и когда в 1892 г. Коммахер основал в Мюнхене «Византийский журнал», он на протяжении двадцати лет рецензировал все поступавшие в журнал для опубликования археологические труды, посвященные Востоку.

Зимой 1894—1895 гг. и в 1900 г. исследовательская работа Стржиговского протекает в Египте, где он занимается христианским искусством коптов. Параллельно, по поручению директора берлинских музеев Вильгельма Боде собирает коптские древности.

В ходе исследовательской работы на материале Востока у Стржиговского постепенно созревает научная концепция о вкладе Востока в общечеловеческую цивилизацию. Этой теме посвящены его первые труды: «Эллада в объятиях Востока» (рукопись в объеме 50 страниц) и книга «Восток или Рим» (Orient oder Rom), изданная в 1901 г. в Лейпциге. Справедливости ради следует отметить, что он был не первым и не единственным ученым, выдвинувшим теорию о восточном влиянии на эллинистическое и раннехристианское искусство. Изданная в 1900 г. книга русского ученого Д. Айналова «Эллинистические основы византийского искусства» оказала огромное влияние на Стржиговского, который благодаря своим трудам приобрел в научном мире заметную популярность.

В конце XIX в., когда европейские музеи обогащались предметами старины, вывезенными из Греции и стран Востока, по совету И. Стржиговского директор берлинских музеев Вильгельм Боде через кайзера Германии Вильгельма I, который тогда совершал путешествие по странам Ближнего Востока, выпросил у турецкого правительства разрешение разобрать и вывезти в Германию старинный замок, находившийся в восточной Иордании, в пустыне Мшатта. Этот весьма интересный архитектурный памятник, открытый англичанином Грейстремом и описанный им в своих путевых записках «Страна Моаб», по фасаду имеет роскошный орнаментированный фриз высотой примерно пять и длиной более сорока метров. После перевозки в 1883 г. в берлинский музей кайзера Фридриха и экспонирования, этот памятник стал предметом долгих споров по установлению его датировки. И. Стржиговский, посвятивший ему свой очередной труд «Мшатта», датировал его раннеомайадским периодом (400—600 гг.). В этом вопросе он ошибся. Другие ориенталисты, основываясь на арабских источни-

[2] Переведен на армянский язык венским мхитаристом Барнабасом Пилезикчяном и издан в Вене в 1892 г.

ках, уточнили дату—середина VIII века, с чем И. Стржиговский упорно не соглашался в течение многих лет.

В 1903 г. И. Стржиговский публикует свой очередной труд «Малая Азия—целина для искусствоведения».

В 1909 г. после смерти руководителя венской школы истории искусств на эту должность из Граца приглашается И. Стржиговский. Наряду с древнехристианской и византийской архитектурой он еще с давних пор интересовался также искусством переселившихся народов по материалам, хранящимся в музеях, по чеканкам на металле и золотым изделиям. Этой теме он посвятил изданную в 1917 г. книгу «Алтай—Иран и переселение народов». В книге рассматривается не только искусство кочевых тюрков, но также искусство других кочевых народов на основе материалов, которые в ту пору были известны науке. По мнению автора, вторжение кочевых народов не ограничилось только Азией, оно продолжалось в сторону Европы, где в искусстве господствовало изображение человека, вытесненное затем искусством орнамента кочевников. Согласно заключению И. Стржиговского, пришедшие позже сельджуки и османы были носителями тех форм исламского искусства, которые они переняли в восточной Персии и Сирии.

В следующем, 1918 г. в Вене был издан другой значительный труд И. Стржиговского «Архитектура армян и Европа». Прежде чем дать его общую оценку, небезынтересно ознакомиться с историей создания этого труда.

Как было отмечено выше, И. Стржиговский первым среди европейских ученых заинтересовался научными выводами Тороса Тораманяна, сделанными на основе изученного им на месте богатого фактического материала. С другой стороны, Торос Тораманян, который заочно был знаком с научными концепциями известного искусствоведа, был заинтересован во встрече с ним. Встрече двух ученых весьма способствовал студент и сотрудник института искусств Венского университета Левон Лисицян (сын этнографа и филолога Степана Лисицяна),[3] деятельность которого высоко ценил И. Стржиговский. В предисловии

---

3 См. Վ. Մ. Հարությունյան. Գիտական մի համագործակցության մասին.— «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1973, № 2, էջ 89—104։

к книге «Архитектура армян и Европа» он признается, что эти стремления, т. е. исследование памятников архитектуры Армении, получили твердую почву только с того момента, когда в 1911 году прибыл в Вену для завершения своего образования в области исторических наук молодой, чуткий к искусству, студент-армянин из Тифлиса Левон Лисициан. В нем автор нашел то, что искал. Лисициан познакомил его с некоторыми научными трудами архитектора Тороса Тораманяна. Лисициан был полезен благодаря знанию армянского языка и знакомству с письменными источниками[4].

Выполняя поручение Стржиговского, 13 марта 1913 г. Левон Лисициан обратился к Торосу Тораманяну с письмом, в котором писал: «Г. Стржиговский очень хотел бы, чтобы Вы хотя бы на четыре месяца приехали в Вену, когда в институте будут работать по армянскому искусству, и привезли с собой такие Ваши материалы, которые здесь безусловно можно будет использовать для научных изучений, а возможно и для издания».[5]

«С большим удовольствием прочитал Ваше письмо,—отвечает Т. Тораманян,—и рад снабжать материалами европейских ученых, занимающихся изучением армянского искусства. Буду очень рад и благодарен, если г. И. Стржиговский будет содействовать осуществлению давно лелеемой мною цели. Мне известны любовь уважаемого ученого к армянскому искусству и его труды, исполненные ради ознакомления с ним всего мира. Часто я сам руководствовался его мнениями. Искренне сообщаю, что ныне и в будущем с благодарностью произнесут имя г. И. Стржиговского, когда вопрос коснется популяризации исторического армянского искусства».[6]

Предварительно дав свое согласие и урегулировав вопросы, связанные с материальным обеспечением поездки, Т. Тораманян 16 апреля 1913 г. прибывает в Вену. Здесь с первого же дня его окружает исключительным вниманием Левон Лисициан. В адресованных родителям письмах, датированных апрелем-маем, Левон Лисициан систематически сообщал о пребывании в Вене Т. Тораманяна. «Тораманян,—пишет он,—сейчас работает в институте, главным образом занят литературой на французском языке. Жаль, что немецким не владеет. Стржиговский ознакомился с его материалами. Очень ценны. Но сможет ли он обработать и издать, насколько Тораманян сумеет это сделать с научной точки зрения? Все выяснится спустя несколько недель, после того, когда работа семинара продвинется вперед и мы углубимся в материалах. Больше половины материалов Тораманяна нуждаются в обработке и полном графическом исполнении для издания. Это потребует большой работы и много времени».[7]

Приезд Т. Тораманяна и его участие в семинаре, посвященном изучению армянской архитектуры, вызвали необходимость внесения некоторых корректив в программу семинара, перераспределение обязанностей его участников. В обязанности Т. Тораманяна входило снабжение справочниками и документальными материалами (обмерными черте-

---

[4] Л. Лисициан (1892—1921), исключенный из Московского университета в связи со студенческими выступлениями, был вынужден продолжить учебу в Венском университете. Он, кроме армянского (в том числе древнеармянского), владел грузинским, русским, немецким, французским языками, санскритом.

[5] Թորոս Թորամանյան. Նամակներ. Երևան, 1969, էջ 419.

[6] Там же, с. 192.

[7] ЦГИА РА, ф. 428, оп. 1, д. 104, л. 22.

жами, фотоснимками). Левону же Лисицианy поручается их обработка, перевод на немецкий язык (в том числе перевод трудов русских ученых по армянской и грузинской архитектуре).

Заключенное в Вене соглашение между И. Стржиговским и Т. Тораманяном о создании совместного труда об армянской архитектуре осуществилось, когда осенью того же года в Армению прибыла научная экспедиция, возглавляемая И. Стржиговским. В ее состав входили искусствовед Генрих Глюк, этнограф Эдмунд Кюттелер и Левон Лисициан. Целью экспедиции было ознакомление на месте, по конкретным памятникам, с богатым архитектурным наследием армянского народа.

Выехав из Вены 7 сентября, экспедиция прибыла в Тифлис 11-го, причем Левон Лисициан выехал в Армению раньше.

За все время пребывания экспедиции в Армении, начиная с 14 сентября до 4 октября, ей было оказано всемерное содействие, что облегчило трудные переезды для ознакомления с наиболее важными памятниками Араратской равнины, Арагацотна, Ширака и Гугарка. Но при огромном количестве архитектурных памятников в Армении, даже при принятом экспедицией ограничении хронологического рубежа до XI века, двадцатидневный срок был, конечно, совершенно недостаточным. Однако живое общение с выдающимися произведениями зодчества явилось шагом к пониманию их сущности, секрета их вечного обаяния.

Такова история дружбы между двумя учеными. В Тораманяне И. Стржиговский видел истинного исследователя армянского искусства, «мученика древнехристианских памятников» Армении. В лице же Стржиговского Т. Тораманян приобрел друга, искусствоведа с мировым именем и огромным научно-исследовательским опытом, пропагандиста его научных положений об армянской архитектуре.

Ученые вернулись из Армении воодушевленные увиденным, с дополнительным материалом (обмерами и фотоснимками) и еще более укрепившимся убеждением относительно вклада архитектуры Армении в сокровищницу мирового зодчества. А «мученик армянских памятников» Т. Тораманян, еще больше убедившийся в своей научной правоте, с удвоенной настойчивостью продолжал накапливать материал для запланированного в Вене совместного научного труда по армянской архитектуре. К тому времени И. Стржиговский и Л. Лисициан в Вене с большей энергией занялись научной обработкой привезенного из Армении «трофея», дожидаясь вторичного приезда в Вену Т. Тораманяна для совместной работы над запланированным трудом.

В следующем году началась первая мировая война, исключившая возможность намеченной встречи, так как оба ученых оказались на территориях воюющих сторон. Затянувшаяся война вынудила И. Стржиговского изложить труд (с полным использованием оставленных в Вене Т. Тораманяном материалов) и издать его в 1918 г. Этот труд вызвал большой интерес как у сторонников, так и у противников Стржиговского. Независимо от различных мнений, следует отметить, что труд «Архитектура армян и Европа» явился важным вкладом в искусствоведческую литературу Запада, одним из основательных и весомых для своего времени. В отличие от трудов других европейских ученых, исследовавших армянское зодчество зачастую без серьезной аргументации, труд И. Стржиговского основывается на огромном документальном материале, добросовестно собранном и научно обобщенном в течение многих лет Т. Тораманяном. В этом основное достоинство труда.

В предисловии И. Стржиговский выражает благодарность Т. Тораманяну, отзывается о нем как о большом авторитете в области армянского зодчества. Объясняя издание материалов Т. Тораманяна без его участия, И. Стржиговский говорит о своем труде как о предварительном, открывающем дорогу для дальнейших исследований Тораманяна.

«Памятники являются лишь простыми источниками для исследователей искусства,—считал И. Стржиговский,—их критический анализ потребует в Армении большого труда. Настоящий труд может для этого подготовить почву».[8] «Я надеюсь, —пишет он,—что Тораманяну удастся приступить к тому большому труду, в котором будет показан каждый отдельный памятник, пользуясь всеми вспомогательными средствами и который явится необходимым продолжением этой вводной подготовительной работы».[9]

По мнению Эрнста Дица, исследование армянской архитектуры означало одновременно и исследование одной из глав индоевропейской культуры, поэтому Стржиговский и назвал свою книгу «Архитектура армян и Европа» и провел основные сравнения с европейской архитектурой. В своей исследовательской деятельности он придерживался метода сравнительного искусствоведения, главным образом, сопоставления общих черт и различия исследуемого памятника. Как отмечает Эрнст Диц, И. Стржиговский разработал и установил для возглавляемой им искусствоведческой школы метод исследования материала и техники, предмета, фигуры, формы и содержания.

Здесь речь шла о предмете, который был сооружен или изображен, об «образе», взятом из природы, из жизни или из прошлого искусства, о художественной форме, создающей стиль произведения, и, наконец, о содержании, т. е. духовной сущности, об идее, выраженной в произведении искусства. В этом отношении искусствоведческая школа И. Стржиговского была более прогрессивной по сравнению с формалистически-идеалистической школой немецкого искусствоведа Вельфлина, имевшего большое влияние на искусствоведческую школу своего времени.

«Я должен указать на свое убеждение,—пишет И. Стржиговский,—что история искусств не может и не должна писаться в виде нанизывания фактов, а должна базироваться на анализе их сущности и после выявления путем сравнения возможностей эволюции этих фактов».[10] Это означает, что мир искусства он воспринимал не в статическом состоянии, а в эволюционном развитии. Стржиговский придавал большое значение документальной обоснованности исследования и считал, что нельзя писать об истории искусства только оперируя голыми фактами, т. е. описанием памятников. По его мнению, роль искусствоведа заключается в раскрытии художественного замысла, примененного метода творчества, анализе сущности исследуемого памятника. Причем, он рекомендовал это делать на прочной основе сравнительного искусствоведения.

Эрнст Диц считает, что значение И. Стржиговского заключалось, в первую очередь, в его неутомимом стремлении изучить неисследованные области искусствоведения. Он учил не ограничиваться исследованием искусства народов Европы, а расширить границы до всеобщей

---

[8] Die Baukunst..., S. 58.

[9] Там же, с. 60.

[10] Там же, с. 60—61.

истории искусств, что явится значительной частью всеобщей истории человечества. Именно благодаря широкому диапазону своих исследований И. Стржиговский целенаправленно шел к осуществлению своего метода. Об этом свидетельствует огромное количество изданных им трудов, в которых он, в отличие от других европейских ученых, считающих античную Грецию и Рим, а также Византию, основными очагами общечеловеческой цивилизации, обратил внимание на вклад Востока. Уместно отметить, что он, вдаваясь в крайность, игнорирует наличие влияния античных римско-эллинистических традиций на дохристианскую и средневековую архитектуру Армении. С этих позиций он подошел к исследованию армянского зодчества, противопоставив свое мнение взглядам тех европейских ученых, главным образом византинистов, которые рассматривали архитектуру двух христианских народов Закавказья—армян и грузин—лишь как ветвь византийской[11].

Говоря об общности армяно-грузинской архитектуры, он справедливо отмечает, что требуется четкое разграничение между армянским и грузинским искусством, хотя они родственны между собой и часто различаются с трудом. Ученый вполне справедливо подчеркивает национальное своеобразие каждого из них.

Что же касается степени изученности армянской и грузинской архитектуры, то И. Стржиговский считает, что в трудах некоторых ученых (Дюбуа де Монпьерье, М. Броссе, Д. Гримм) на первый план ставится Грузия ввиду значительно большего количества более доступных для изучения памятников. Вследствие этого армянские памятники ставились на второй план и не могли быть выявлены в должной мере.[12]

Считая свой труд восполнением этого пробела, Стржиговский методично излагает ход развития армянского зодчества в хронологических рамках,—раннее средневековье и часть развитого средневековья (до конца XI века). Конечно, такой охват не дает цельной картины развития армянского зодчества и это является одним из недостатков этого труда. Как известно, последующий период — XII—XVI вв. — богат как композиционными, архитектурно-художественными, так и строительно-конструктивными достижениями, главным образом, в области гражданского зодчества.

Однако будет справедливым не ставить в вину автору этот недостаток, ибо он тогда не располагал необходимыми данными. При изложении своего труда И. Стржиговский в основном оперировал материалами и научными концепциями Т. Тораманяна, частично и материалами своей экспедиции, в которых почти отсутствовали материалы по архитектуре второй стадии периода развитого средневековья Армении.

Тогда как отдельные ученые (Милле, Шнаазе, Кондаков и др.) считали, что расцвет армянского зодчества имел место в X—XI вв., по мнению некоторых даже в XIII в., И. Стржиговский считал, что, как показывают памятники, его следует отнести к раннему средневековью, когда наблюдаются серьезные творческие искания в направлении создания различных типов церковных зданий[13].

В церковном зодчестве Армении периода раннего средневековья (IV—VII вв.) И. Стржиговский констатирует два этапа: вначале строительство покрытых цилиндрическим сводом зальных, и затем—ку-

[11] Этого мнения придерживались Шарль Диль и др.

[12] Die Baukunst..., S. 59.

[13] Там же, с. 57.

польных церквей. Он считал, что тип церковных зданий, покрытых цилиндрическим сводом, является привнесенным из соседней Месопотамии (т. е. из Сирии), а купольных—с упорными нишами или настенными пилонами—результатом местного творчества, причем, по его мнению, купольную конструкцию армяне переняли у персов, где древние храмы огня имели купольное покрытие.

«Оттуда, из страны двух рек и плоскогорья Арарата,—пишет он,—происходит эволюция, которая лишает почвы эллинистического предшественника. На одно направление опирается движение, которое мы называем романским и готическим, на другое, которое однако, появилось на протяжении всех средних веков,—Ренессанс, как покажет последняя книга о распространении».[14] «Купол на квадратном основании,—по-другому поводу отмечает он,—как общий господствующий тип, распространился из Армении по странам Средиземного моря и Европы».[15] Неоднократно возвращаясь к вопросу о влиянии на архитектуру европейских стран, И. Стржиговский влияние Армении связывает с Киликийской Арменией, через которую крестоносцы проходили на Ближний Восток. «Европа же,—пишет он,—только в эпоху готики подверглась разнообразным переходным влияниям, в том числе влиянию со стороны Киликийской Армении, во время крестоносцев».[16]

Для И. Стржиговского, как отмечает Эрнст Диц, исследование армянской архитектуры одновременно означало исследование одной из глав истории индоевропейской культуры, что послужило ему основой для проведения сравнения с европейской архитектурой. И. Стржиговский в своих трудах, в том числе в труде «Архитектура армян и Европа», последовательно выдвигал свою теорию о вкладе Востока в европейское искусство, противопоставляя ее взглядам, господствовавшим тогда в искусствоведении Запада. Увлекшись ею, он нередко впадал в крайность, говоря о влиянии армянской архитектуры на важнейшие произведения итальянского Ренессанса или доводя границу распространения влияния до скандинавских стран. Такими необоснованными выводами он вызвал критику своих коллег. Вот почему вся научная деятельность венского ученого протекала в упорной борьбе и спорах. «Я понимаю,—писал он,—как трудно продвигаться моим товарищам по специальности, привыкшим к узким европейским точкам зрения. Моей самой крепкой опорой является мое убеждение в том, что я веду справедливую борьбу».[17]

Несмотря на отмеченные противоречия, нашедшие место в его огромном научном наследии, все же следует признать, что в лице И. Стржиговского европейское искусствоведение имело одного из самых крупных и многосторонних ученых, своими трудами обогатившего европейскую искусствоведческую науку конца XIX и первой половины XX века.

Двухтомный труд «Архитектура армян и Европа» состоит из четырех книг.

Первая книга посвящена описанию памятников, в основном, периода раннего христианства (IV—VII вв.). Оперируя материалами Т. Тораманяна, восполненными материалами проведенной в Армении экспедиции, автор последовательно представляет церковное зодчество

---

[14] Там же, с. 59.

[15] Там же.

[16] Там же, с. 57.

[17] Там же, с, 59—60.

Армении, начиная с базиличных и кончая разнообразными типами и подтипами купольных церквей, систематизирует их и представляет свои названия этих типов.

Во второй книге он ставит вопросы о строительном материале, цели, внешнем облике (в его понимании: формы и содержания памятников). Затем он переходит к анализу армянских построек с чисто функциональной (он называет—утилитарной) точки зрения, дополняя историей происхождения этих построек. После анализа эволюции архитектурных типов, автор занимается также анализом разработки постоянных черт, включая в это понимание отношение масс, пространства, света и цвета.

Третья книга посвящена вопросу о степени изученности армянского зодчества, т. е. по сути является обзором прежних исследований. Причем, в рамках общей истории Армении он стремится согласовывать собственные научные результаты с результатами других исследователей, параллельно отмечая совпадения и противоречия.

Четвертая книга, озаглавленная «Распространение», посвящена влиянию армянской архитектуры на архитектуру европейских стран. В ней он ведет полемику по вопросу исследовательского начала предмета истории искусств, научных поисков некоторых академий. По его мнению последние в историко-философском аспекте отличаются нерешительностью, поддерживанием ремесла и отстранением от себя исследователя.[18] Далее, он приводит целый ряд конкретных примеров, по его мнению свидетельствующих о преемственном применении различных композиционных и конструктивных достижений армянского зодчества в романском и готическом стилях, получивших повсеместное распространение в странах Европы.

«Рассмотренные до сих пор различные виды и типы чисто купольных построек,—резюмирует он,—должны обратить на себя самое серьезное внимание архитекторов и ученых. Мы с удивлением спрашиваем, как могла возникнуть такая группа типов (имеет в виду купольные церкви—*В. Л.*) в таком раннем периоде и как до сих пор не обращалось на это внимание с точки зрения истории развития архитектуры? Чем можно объяснить, что возникли такие типы и виды, когда в районе Средиземного моря находим почти исключительно базилику?» [19]

Как и следовало ожидать, труд «Архитектура армян и Европа» вызвал неоднозначную реакцию, противоречивые оценки искусствоведов. Однако это обстоятельство не помешало привлечь внимание византинистов, повлиять на пересмотр их мнений относительно христианской архитектуры Закавказья.

С этой точки зрения небезынтересен пример видного специалиста по византийскому искусству, французского ученого Шарля Диля. В первом издании своей книги он утверждал, что армянское «... искусство *во многом обязанное Византии*, все же не является рабской копией византийского». «Армения сама,—отмечает он далее,—*впрочем, данница Византии*, способствовала распространению в восточном мире христианского искусства».[20]

После выхода в свет книги И. Стржиговского «Архитектура армян и Европа», Шарль Диль в оценке армянского зодчества несколько отступил от своей прежней позиции. Во втором издании названной книги

[18] Там же, с. 61.

[19] Там же.

[20] Charl Dhil. Manuel d'art Buzantine. Paris, 1925, p. 478.

он пишет уже: «... *кое в чем обязанное Византии*,—добавив при этом,— ... и может быть даже было бы небезынтересно исследовать, хотя и с большой осторожностью, влияние на запад и на происхождение романского искусства».[21] Там же выкинуты слова первого издания: «... *сама, впрочем, данница Византии*».

Труд И. Стржиговского в какой-то мере приобрел значение исторического документа, фиксирующего степень изученности темы по состоянию на первые два десятилетия нынешнего века, но и теперь он представляет интерес для специалистов, так как долгие годы в европейских научных кругах служил путеводителем по армянской архитектуре.

3. ՍՏՐԺԳՈՎՍԿԻՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս Վ. Մ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ւ մ

XIX դարը նշանավորվեց հայկական ճարտարապետության ուսումնասիրման սկզբնավորումով, որում ներդրում կատարեցին եվրոպացի, ռուս և հայ գիտնականները։ Վերջիններիի թվում առավել ծանրակշիռ եղավ Թորոս Թորամանյանի ներդրումը։ Նրա աշխատությունները արժանացան նաև եվրոպացի գիտնականների, հատկապես Վիեննայի համալսարանի արվեստի պատմության ինստիտուտի տնօրեն, նշանավոր արվեստագետ Յոզեֆ Ստրժիգովսկու ուշադրությանը։ Հոդվածում բերվում են տեղեկություններ նրա կենսագրության և բնդմնավոր գիտական գործունեության մասին։ Առաջին անդամ Հայաստանում լինելուց և էջմիածնի մայրավանքի մատենադարանում աշխատելուց հետո նա 1892 թ. հրատարակում է իր «էջմիածնի ավետարանը» աշխատությունը՝ նվիրված այդ մեծարժեք ձեռագրի մանրանկարչությանը։ Դրանով էլ սկզբնավորվում է նրա հետաքրքրությունը Հայաստանի արվեստի նկատմամբ, որն ավելի լայն ընդգրկմամբ իր ոլորտն է ընդունում հայ ճարտարապետությունը։ Հոդվածում հանգամանորեն շարադրված է «Հայերի ճարտարապետությունն ու Եվրոպան» մենագրության ստեղծման պատմությունը։ Ջափաղանց գնահատելի է Լեոն Լիսիցյանի և նրա հոր՝ Ստեփան Լիսիցյանի աջակցությունը։ Երկու գիտնականների համատեղ ջանքերով հայ ճարտարապետության մասին աշխատություն ստեղծելու մտադրությունը չի իրականանում՝ Առաջին Աշխարհամարտի սկսվելու պատճառով։ Առանց Թ. Թորամանյանի մասնակցության, նրա կողմից տրամադրած հարուստ նյութերը և նրա տեսակետները օգտագործելով, նաև Լեոն Լիսիցյանի ջանադիր աջակցությամբ, Ստրժիգովսկին շարադրեց և 1918 թ. գերմաներեն հրատարակեց իր «Հայերի ճարտարապետությունն ու եվրոպան» մենագրությունը, եվրոպական հասարակայնությանը ներկայացնելով հայ ժողովրդի ճարտարապետական հարուստ ժառանգությունը։ Հոդվածում համառոտակի տրված է մենագրության բովանդակությունը և կարծիք է հայտնված նրա դիտական նշանակության մասին։

---

[21] Charl Dhil. Manuel d'art Buzantine. Paris, 1940, p. 446 (курсивы наши).